

СОЛНЦЕ ЯРКОЕ,

Ольга ФУКС

Раньше разбойники были идейные

— Сейчас во МХАТе настало горячее время — уже второй год по премьере в месяц, актеры разрываются между репетициями. Вам это по душе?

— Мне как ветерану больше нравится работать вдумчиво. Многие спектакли рождаются уже на публике, а лучше было бы поработать без нее. У актера роль еще не созрела, а его уже выталкивают — точно в грунт сажают, когда почва еще не прогрелась.

— А вообще нынешнее время вам нравится?

— Новая жизнь — это объективная реальность, и человек, как живое существо, должен что-то в себе перестраивать. Но не терять лицо во всяких перестройках — переделках, не забывать о своем предназначении. Меня многое сейчас угнетает. Например, то, что можно так запросто шархануть старушку по голове молотком и достать у нее из сумки какие-то рубли. Раньше все-таки разбойники идейные были — грабили банки, сберкассы, с государством боролись. Но не со старушками. Сейчас даже артистов перестали жалеть.

Помню, снимали мы фильм «Кин-дза-дза» где-то под Небедаком, городом нефтяников, вокруг которого много исправительных лагерей. В одном пансионате с нами поселили человек семь местных секретарей партии и комсомола со свитой. Как-то сели мы все вместе футбол смотреть. Жара — за пятьдесят градусов, все разлетые. А когда Евгений Павлович Леонов пошел спать, то обнаружил, что его обчистили вчистую — и джинсы, и часы, и футбольную форму — 20-й номер (он незадолго до этого из Бразилии вернулся с таким подарком). И главное, мы ему, бедняк, и одолжить ничего не можем — не подходит. Так и проходил несколько дней по городу в игровом костюме. Милиция начала с того, что сняла отпечатки пальцев... у режиссера Даниели и актеров Яковлева и Любшина. Мы умирали со смеху: неужели, говорим, вы думаете, что мы только и ждали, когда он из Бразилии футбольные трусы привезет. Как-то зовут нас милиционеры — ну, думаем, нашли. Приходим — милиционеры нам столы накрыли, коньяк — фрукты поставили, устроили, так сказать, «встречу со зрителями» и каюты: мы все лагеря обзвонили и везде нам говорят — никто из преступников не мог обокрасть Леонова. Через несколько дней я пожаловался одному из секретарских водителей: «Представляешь, все украли и джинсы, и часы». «Сейку?» — вскинулся он. Я полгода с Леоновым работал и не знал, какие у него часы. А с этим они только один раз футбол вместе посмотрели. Поделались мы своими подозрениями с милицией, а нам говорят, мол, извините, мы милиционеры, а там кагэбешники, мы их трогать не можем. А через год Леонову позвонили из Небедака, что вещи нашлись — надо прилететь на их опознание.

Если будешь, как Козловский, — иди

— Кого из людей, с которыми сводила вас жизнь, вам сегодня больше всего не хватает?

— Мама. Чем старше становлюсь, тем больше ее вспоминаю.

— Как она приняла ваше решение пойти в актеры?

— Да приняла. Она сама занималась в самодеятельности, несмотря на тяжелую жизнь: работала дояркой на скотном дворе, вставала каждый день в четыре утра, да еще нас трое. И все равно женщины в колхозе организовали драмкружок — на спектакли три деревни приезжали. Мама очень красивая была, а потому играла героические роли, одна из особенностей которых состояла в том, что надо было иногда с партнером целоваться. Отец жутко переживал. С утра перед злополучным спектаклем он выпивал стопочку — мрачный, в кальянах, как Чапаев. Потом прикалывал лист к стенке и что-то яростно рисовал. Мы приставали с вопросами: что он рисует? «Грачи прилетели!!!» — рычал на нас отец. «Да ты их уже четыре раза рисовал». А когда мама, играя, допустим, Катерину из «Грозы», целовалась с кономом, он ничего не говорил, но сидел на краю сцены и играл на ман-долине «Интернационал». И все понимали, что это его протест. Потом по ночам начиналось: «Как же тебе не стыдно! Что же ты меня так позоришь. С каким-то конюхом!!!»

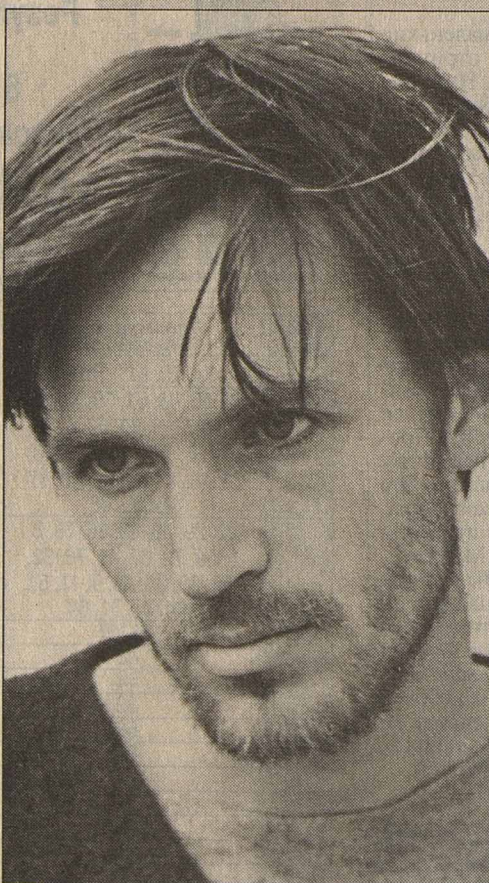
— «С агрономом не ходи — ноги выдеру. Можешь раза два пройтись с председателем».

— Вот-вот. Отец, кстати, агрономом был. Мама защищалась: «Андрей, это же не я целуюсь, а женщина, которую я играю». И соседи из-за стенок (стеночки тоненькие были) заступались: «Андрей, отстань, ей вставать рано. Если не понимаешь — не ходи в драмкружок». Потом маме грамоты давали за спектакль, премии рублей по пять, и отец оттаивал немного.

Так вот, учась в кислородно-сварочном техникуме, я тоже вечера какие-то придумывал, местные недостатки высмеивал. А однажды попал во МХАТ на «Три сестры» и голову потерял от

Вчера Станиславу Любшину исполнилось 70 лет

Он по-прежнему ездит в театр на метро, забываясь куда-нибудь в угол, но успевая следить за тем, чтобы «бабушкам уступали место». Проблему воспитания подрастающего поколения решает в два счета: «Бабушка, а вот молодой человек очень хочет уступить вам место — садитесь, пожалуйста». Пунцовый юнец вскакивает перед воплотившейся в реального человека кинозвездой, а Станислав Андреевич спокойно отворачивается к окну...

Из проб к «Андрею Рублеву». 1966

того, как Степанова сказала: «В Москву, в Москву!», глядя в окно. «Уроки Станиславского» читал, старался в сверхзадачах всяких разобраться. В общем, понял, что тянет меня туда и хочу себя попробовать. Пришел к родителям — так, мол, и так. Они телевизор смотрели через линзу — такую, как в «Пяти вечерах». В линзе вода, и когда ступаешь по неровным половинкам, пол колеблется, и артисты на экране такие... пластичные становятся. Они концерт Козловского смотрели. Когда я им объявил о своем решении, мама сразу заплакала. А отец долго молчал, а потом говорит: «Если будешь, как он (Козловский) — иди, а если, как они (хор позиди) — то лучше не надо». Через много лет мы с Иваном Семеновичем как-то на радио столкнулись: он романс пел, я Пушкина читал. В перерыве рассказал ему эту историю. Он посмеялся и говорит: «Передай родителям, что ты лучше стал».

Не перебивай!

— Эфрос написал про вас, что вы как-то сумели подстроиться под него, оставаясь самим собой. Под Эфроса-то хорошо подстраиваться, но ведь не под каждого режиссера и захочется...

— Я долго не знал, что Анатолий Васильевич ко мне хорошо относится. Поехал как-то на съемки фильма «Ксения, любимая жена Федора». Сиджу утром, ем кашу, какая-то газета на

столе лежит, я ее через ложку читаю. И вдруг вижу там рецензия Эфроса на фильм «Моя жизнь» с таким тонким и точным анализом... Он гениальный был человек. Приходил на репетиции очень нервным, хотя все у него уже было придумано. Сидел, ни на кого не глядя, начинал говорить, увлеклся — и освобождался, расцветал. Он мог расслабаться за режиссерским столиком, если ему нравилось, хотя режиссеры обычно оттуда только кричат на артистов. Он обожал всякие неожиданности. Помню, мы с Настей Вертинской репетировали сцену из «Тартюфа», где вредный Тартюф очень пристает к бедной Эльвире. Я умудрился снять с Вертинской бюстгальтер, на расстегивая блузки. А потом, спасаясь от меня, Настя бросилась в зал и забралась на колени к какому-то критику (Эфрос пускал их на свои репетиции). А я, недолго думая, сиганул за ней на эти же колени. Эфрос хохотал, как сумасшедший. Такие живые репетиции были для него важнее любого продуманного спектакля.

А что касается других режиссеров... Не буду называть фамилию одного из них — его уже нет в живых. Хороший по-своему был человек, в прошлом военный. Приказывает он мне — играть так-то и так-то. А я играю все наобором. «Стоп, — говорит, — в чем дело?» — «А я, — говорю, — волнуюсь». — «Волнуешься? Ну, давай еще один дубль». А я и второй и третий дубль по-своему играю. «Все волнуешься? Ладно, перерыв». Потом материал

напечатали, он меня зовет: «Знаешь, а правильно ты все наобором играл». Я только начал: «Эх, если бы вы раньше это поняли, как бы нам легко работалось», как он закричит: «Не перебивать!» В о б щ е м, на —

что сделал — за страну извинился. — А вообще вы были облаканным властями актером? — Я бы не сказал. Мне и сниматься как-то запрещали. Тарковский хотел, чтобы я сыграл Рублева. Но у него все откладывалось, и меня без проб пригласили на «Ленфильм» в картину «Иду на грозу». Я сразу предупредил: как только позовет Тарковский — все брошу и уеду к нему. Ну а пока суд да дело, ездю в Ленинград, подыгрываю другим актерам. Ловит меня директор фильма — ну чего, мол, ты мотаешься, за гостиницу платишь? Подпиши договор. И дает мне чистый лист, который я и подписывал. Потом все закрутилось у Тарковского, и я отказался от работы на «Ленфильме» за месяц до начала съемок. Да еще и у Любимова на год отпуск взял. Но оказалось, что моего звонка недостаточно. Больше того, меня обвинили в срыве подготовительного периода. Как-то утром ко мне явился тот директор с договором. «Но вы же помните, что я подписывал пустой лист?» — «Но вы могли бы и не подписывать». — «Послушайте, — говорю, — а вы начальником лагеря никогда не работали?» Как в воду глядел: мне потом рассказали, что этот директор работал в ГУЛАГе, где под его охраной сидел замечательный сценарист Каплер. В итоге мне запретили сниматься в кино с формулировкой «личное поставил выше общественного». Любимов уже взял другого актера, и остался я без театра и съемок, с двумя детьми. Кулиджанов, возглавлявший тогда Госкино, нашел ход — быстро отправил меня на съемки фильма «Мальчик у моря». И когда запрет вступил в силу, я уже снимался. А как вернулся, Госкино завалили письмами из киностудий всей страны: просили отменить указ и отпустить меня на съемки.

— А что же Тарковский?

— Я поспорил с ним на пробах — нельзя спорить на пробах с режиссером, надо дожидаться съемок. Он меня не взял, позвал другого актера. Хотя два года мне голову морочил. А я готовился, в церковь ходил, молитвы учил, иконы рисовал. Потом «Искусство кино» поместил фотографии с моими пробами на Рублева.

У меня все впереди

— Вам часто приходилось жалеть о своих решениях: отказал одному, согласился сниматься у другого?

— Кулиджанов хотел снимать меня в роли Раскольникова, но заболел, а я за это время снялся в «Шите и мече». Его посмотрели 520 миллионов — то есть получается, каждый житель СССР по два раза. И Кулиджанов от своей идеи отказался — тебя, мол, теперь вся страна знает. Они в первую очередь типаж видят, а не актера. Я отказывался, вопервых, из-за того, чтобы не играть в очередной раз типаж разведчика. А во-вторых, по этическим соображениям. После выхода фильма «Застава Ильича» все наперебой хвалили Хуциева — эх, нам бы талант Марлена. А когда Хрушев разругал фильм, те же люди, которые его хвалили, стали его крыть. Мы ничего не понимали. А оказывается, все шло под стенограмму и стенограмма шла в ЦК. Хуциева затравили так, что он вынужден был выехать из своего переулка, где он жил, и снимать картину в другом районе Москвы. А я отказался сниматься у трех режиссеров из тех, кто его травил. Хотя роли они мне предлагали интересные, характерные.

— Ваш Ильин из «Пяти вечеров» не просто вернулся с Севера — он там отсидел...

— ... за волюнтаризм. В театре можно было об этом говорить, а в кино запретили. У Володиной Ильин рассказывает Тамаре: «Едешь 500 километров, и ни души, резина замерзает, боишься остановиться, чтобы самому не замерзнуть». Нас заставили этот текст выкинуть, а вместо него сказать: «Едешь 500 километров, солнце яркое, небо чистое, у тебя за спиной карабин лежит — и ничего не страшно». Меня так корбило от этой оптимистической фразы, что пришлось даже ее переозвучивать — никак не мог ее выговорить как надо.

— Что вас сегодня вдохновляет — музыка, книги, спектакли, фильмы?

— Музыка, которая «уносит куда-то», как у Чехова написано. И одна женщина — моя жена.

— А с техникой вы дружите? Все-таки первое образование обязывает.

— Не то что бы дружу. Но архитектором, наверное, мог бы стать. По крайней мере, когда строил загородный дом, все там рассчитал сам.

— Станислав Андреевич, говорят, в каждом возрасте есть своя прелесть...

— Как говорил Ильин в «Пяти вечерах» — у меня в семнадцать лет было все впереди, и сейчас еще все впереди.

НЕБО ЧИСТОЕ

до было изловчиться, чтобы и его не обидеть, и сделать по-своему.

Так я Рублева и не сыграл

— Как я понимаю, вы не всегда пытались изловчиться. Что вам сделали за то, что вы выступили против ввода наших танков в Прагу?

— Гола четыре никуда не выпускали — я же не был членом партии, иначе со мной бы поступили по-другому. В том году меня признали в Чехословакии лучшим иностранным актером за фильм «Шит и меч». Лежу я в больнице, и вдруг меня оттуда выдергивают, вручают паспорт, везут в аэропорт — будь добр лететь в Чехословакию на премьеру «Шита и меча». Даже визы не поставили. А когда я возвращался назад, меня не выпускали в нашу страну, так как я без визы улел. После премьеры у меня прямой эфир, который вел один известный чешский актер. Говорил-говорил со мной про кино-театр, а потом спросил про мое отношение к вводу танков. А я и сказал, что вынужден извиниться за свою страну. Тот актер аж в кадре расплакался. Потом я узнал, что меня активно ищет сотрудник советского посольства — наверное, чтобы я больше ни с кем не встретился. А я себе гуляю по городу, в магазинах захожу (у меня с собой список: Юрочке — курточку, Димочке — шапочку). Захожу в один — со мной все здороваются и вперед пропускают, захожу в другой — то же самое. Ну, думаю, какой я актер замечательный! А мне мой сопровождающий и говорит: да черт с ним, с фильмом твоим, ты вон

«Пять вечеров». 1978

